

Денис Соболев

Одиночество

Сборник рассказов

Денис Соболев

Одиночество. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Соболев Д.

Одиночество. Сборник рассказов / Д. Соболев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504383-2

«Одиночество» — третий по счету сборник рассказов. В нем меньше о тайге и больше о людях, о нас с вами. О любви. О счастье. О грусти.

ISBN 978-5-00-504383-2

© Соболев Д.
© Издательские решения

Содержание

14 минут	6
305-й километр	15
Бар «Верста»	20
История первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Одиночество Сборник рассказов

Денис Соболев

© Денис Соболев, 2019

ISBN 978-5-0050-4383-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

14 минут

Легкий ветерок гнал еле заметную рябь по небольшому лесному озерцу и доносил из леса звонкие птичьи трели и аромат нагретых жарким солнцем трав и кедровой смолы. Сентябрь выдался на редкость теплым и сухим, давно такого не было. Хранитель помнил как минимум сотню разных сентябрей, а таких почти и не помнил. По воздуху, отблескивая на солнце, летали тонкие паутинки, цепляясь за травы и кусты, в кустах устроили переполох мелкие птахи... хороший день. Еще один хороший день.

Хранитель улыбнулся и, поднявшись со ступеней широкого деревянного крыльца, пошел в дом, за заваркой. Надо бы костерок развести и заварить хорошего травяного чая, скоро придет гость. Они приходят к нему часто, не в силах смириться с кажущейся несправедливостью. Приходят и просят допустить их к Счетчику прямо сейчас, не дожидаясь положенного времени. И все задают один и тот же вопрос: почему только перед смертью? И никто ни разу не спросил, ел ли он сегодня и все ли у него хорошо?

Был он высоким, сухопарым и седым, как зима. Широкие плечи и большие мозолистые ладони выдавали немалую силу, а синие не по-стариковски ясные глаза смотрели зорко, с изрядной хитрецей. Он стал Хранителем случайно, просто потому, что был первым. Когда только зашли разговоры о создании Счетчика счастья, он первым вызвался на роль помощника и подопытного кролика. Именно его личный Счетчик стал прообразом всех остальных, эталоном и мерилем. Подумать только – Счетчик счастья! Он до сих пор не мог поверить в то, что все это не чья-то злая шутка или розыгрыш, хотя прошло уже восемь десятков лет. Да и как поверить в то, что кто-то изобрел Счетчик, который скрупулезно подсчитывает каждое мгновение твоего счастья, и в самом конце добавляет к твоей жизни или жизни твоих детей столько времени, сколько ты провел в радости? Но все это оказалось не шуткой. Счетчик работает, и время каким-то удивительным образом добавляется. Каким? Это тайна, никто этого не знает кроме изобретателей. Нет ничего удивительного в том, что любящие родители устремились к нему со всех концов света в попытке узнать побольше или как-то выторговать время, кто-то пытался купить время... Чего только не было за это время.

Размышляя, он привычно сходил до спрятавшегося в могучих кедровых корнях родника, развел костер и пристроил над ним закопченный котелок. День понемногу катился к закату, и гость вот-вот должен пожаловать. Почему-то они всегда приходят вечером, когда солнце касается верхушек сосен на дальнем пригорке. Некоторые задерживаются допоздна. На этот случай в доме устроена уютная спальня – не гнать же гостя?

На тропинке, ведущей к дому, показались двое. Нет, это были не гости. Это был рыбак из стоящей неподалеку деревни, Иван Дмитриевич, Митрич, как он сам себя называл, и его внучок Митька. Они дружно поздоровались, и Хранитель с улыбкой махнул им рукой. Митрич ходил на это озеро уже давно, сначала с сыном, теперь вот с внуком. Первое время он молча кивал и проходил мимо, торопясь на зорьку, и уходил обычно в полной темноте. Потом стал здороваться, а однажды вечером свернул с тропинки и угостил его карасями. Хранитель и сам любил посидеть с удочкой на утренней зорьке, да редко получалось... С той поры Митрич нет-нет да и забегал на огонек, чему Хранитель всегда откровенно радовался. Митрич был мужиком незатейливым и лишними вопросами не досаждал. Однажды только, в тот самый раз, когда угощал карасями, завел разговор:

– А вы, стало быть, Хранитель? – он отпил из кружки чай и потрепал по вихрам сидевшего рядом с ним Митьку.

– Стало быть – Хранитель улыбнулся и тоже сделал глоток чая.

– И что вы тут такое храните?

Хранитель как раз закончил с чисткой карасей и теперь выкладывал их в шкворчащее в сковороде масло:

– По должности вроде как Счетчик, а на самом деле... даже не знаю. Наверное, человеческое счастье.

Помолчали немного. Митрич пил чай и задумчиво смотрел в костер, Митька с открытым ртом смотрел на Хранителя, Хранитель жарил рыбу. Когда он потянулся перевернуть зажарившегося с одной стороны карасика, Митрич спросил:

– А Счетчик этот... он чего считает?

Хранитель удивленно посмотрел на Митрича:

– А вы что, не слышали ничего про него? Ну там, считает счастье и все такое?

Митрич пожал плечами:

– Да нет. А где бы слушать? Телевизор не смотрим с бабкой, да и некогда особо – работы в деревне завсегда много.

Хранитель выложил карасей на тарелку, придвинул ее Митьке и заложил следующую партию. Митька отодвинулся от стола, глянув на деда, и тот пояснил удивленному Хранителю:

– Нельзя ему, болеет немножко. А я с ним заодно не ем.

– А зачем же ловите тогда?

Митрич усмехнулся:

– Отпускаем обычно, сегодня вот решили вас угостить. А так ведь как хорошо на зорьке посидеть, на поплавок полюбоваться... А уж когда клюет... тянешь его, а он хвостом по воде шлепает и кругами, кругами... – глаза Митрича разгорелись нешуточным азартом и каким-то особенным теплом, губы тронула улыбка.

– Это да – Хранитель согласно улыбнулся.

– Так чего считает-то Счетчик ваш?

– Счастье – просто ответил Хранитель.

– А зачем? – Митричу стало интересно, он даже кружку с чаем в сторону отставил.

– Жизнь когда к концу подойдет, время, прожитое в счастье, тебе добавится. Или вот ему – кивнул на ошарашенного Митьку.

– Ух как! – восхитился Митрич – ловко придумали... И как оно все работает?

– Пытай – не скажу – улыбнулся Хранитель. – Не знаю просто.

– А считает-то честно?

– И этого не знаю, но... какой смысл обманывать?

Митрич кивнул согласно:

– Пожалуй, что и никакого. А время, говорите, внуку можно добавить?

– Можно – Хранитель отставил сковороду в сторону и подвесил над огнем котелок – чай подостыл.

– Это хорошо – протянул Митрич – очень хорошо. Я бы ему все свое время отдал, но такого счетчика пока не придумали...

Чай допивали в молчании. Митрич, отставив опустевшую кружку, поднялся, и Хранитель очень серьезно спросил:

– Не хотите взглянуть на свой Счетчик? Или на его?

Митрич застыл на мгновение, а затем отрицательно помотал головой и так же серьезно ответил:

– А зачем? Счастья мне это точно не прибавит...

...Вода в котелке забурилась, и в этот момент на тропе показался спешащий мужчина лет пятидесяти. Он шел, глядя себе под ноги, хмурый и очень целеустремленный. Выйдя на поляну перед домом, он остановился на мгновение, вглядываясь в Хранителя, а затем решительно шагнул вперед и остановился у костра:

– Мне нужно увидеть свой счетчик.

Сказал он это безапелляционно, так, что сразу стало понятно – отказа он не примет.
– И вам здравствуйте – Хранитель поднял на мужчину глаза и улыбнулся. – Чаю хотите?
Мужчина раздраженно спросил:

– Вы что, не слышите меня? Мне нужно увидеть мой счетчик!

– Нет, не слышу. У меня очень избирательный слух.

Мужчина нахмурился еще больше, набылчился и шагнул вперед, обходя Хранителя и поднимаясь на крыльцо.

– Его там нет – спокойно обронил Хранитель и принялся наливать чай. Мужчина недоверчиво хмыкнул и вошел в дом.

Когда он появился на крыльце, лицо его выражало смесь растерянности и злости. Спустившись с крыльца, он присел рядом с Хранителем и с вызовом спросил:

– Где он?

Хранитель протянул ему кружку, над которой поднимался ароматный пар. Мужчина, поколебавшись недолго, принял кружку, понюхал, улыбнулся чему-то и сделал осторожный глоток.

– Смородина, мята и Иван-чай – ответил на незаданный вопрос Хранитель. – Любите такой чай?

Мужчина сделал небольшой глоток, прислушался к ощущениям и ответил негромко:

– Такой час нужно с медом пить...

– Можно и с медом – Хранитель поднялся и скрылся в доме.

Когда он появился на крыльце, держа в руке вазочку с белоснежным медом, у костра никого не было. Впрочем, и кружки, в которую Хранитель налил чай для своего гостя, не было тоже. Усмехнувшись в бороду, Хранитель устроился у костра и принялся за чаепитие, то и дело ныряя ложкой в вазочку и довольно шурясь после каждого глотка.

– Где он? – послышался из-за спины голос, уже без вызова и раздражения.

– Мед отменный в этом году. Мне его привозят с Алтая, давно уже, лет тридцать. Пасечник, Василий Михайлович, человек светлой души. Оттого и мед у него чудесный получается, попробуйте.

Гость молча уселся, взял вазочку с медом и принялся есть, запивая чаем. Доев, отставил вазочку в сторону:

– Теперь скажете?

Хранитель с улыбкой покачал головой:

– Зачем вам видеть Счетчик?

Мужчина вскинул на Хранителя глаза, долгое мгновение смотрел на него в упор, затем заговорил, все повышая и повышая голос:

– Неужели вы не понимаете, что это несправедливо? Как можно только перед смертью показать человеку, сколько у него дополнительного времени?

– А как бы вы хотели, чтобы было?

– Раньше! Например, в пятьдесят, или даже в тридцать!

– Для чего?

– Если я буду знать раньше, я смогу постараться и накопить счастья, хотя бы чуть-чуть, понимаете? – глаза его лихорадочно блестели.

Хранитель задумчиво смотрел на мужчину, и тот вдруг смешался, отвел взгляд.

– Как ваше имя?

– Какое это имеет значение?

– Я не привык подолгу говорить с незнакомцами. Вы можете встать и уйти, так и не представившись. Или назвать свое имя и остаться – Хранитель говорил спокойно, пристально глядя гостю в глаза.

– Илья – наконец буркнул он. – И что теперь? Скажете, где этот треклятый счетчик?

– Я так и не понял, зачем вам его видеть.

– Я ведь вполне понятно объяснил! – вспыхнул Илья. – Чтобы успеть накопить побольше счастья. Что в этом непонятного?

– Например. Я хотел бы узнать, что вам мешает просто стараться быть счастливым? Для этого ведь не обязательно знать, сколько времени ты уже успел пожить в радости, разве не так? Что мешает вам прямо сейчас радоваться хорошему вечеру и вкусному чаю? Травы для этого чая собирали чьи-то руки, имейте хотя бы благодарность. А мед, который для вас собрали пчелы в далеких горах? Или этот закат, посмотрите, он ведь прекрасен.

Илья прихлопнул на шее комара и едко усмехнулся:

– Куда уж прекрасней... комары того и гляди последнюю кровь выпьют....

– Комары это тоже хорошо. Это значит, что вы все еще можете чувствовать мир вокруг вас. Мертвым такого счастья не дано.

– Это вы к чему?

– К тому, что вы живы, и это уже огромный повод для счастья. Учитесь радоваться мелочам, и тогда ваш счетчик будет крутиться и крутиться.

– Да каким мелочам радоваться? Тому, что во дворе постоянно кричат дети и срабатывает чья-то сигнализация? Или тому, что в троллейбусе нахамили? Или тому, что сосед бесконечно делает ремонт? А может быть, надо радоваться тому, что зарплаты ни на что не хватает? Вы об этих мелочах?

Голос Ильи источал желчь, глаза гневно сузились, на скулах загуляли желваки, но все это не произвело на Хранителя никакого впечатления.

– Но ведь это и правда мелочи, разве вы не видите? Дети кричат, какой ужас... А ведь это всего лишь означает, что вокруг вас расцветает новая жизнь, и у всех у нас все еще есть будущее. Сигнализация срабатывает на чьей-то машине, и это тоже неплохо. Потому что у кого-то сегодня не угонят машину. И, быть может, он успеет довезти до больницы кого-то, кому очень нужна помощь. А нахамивший вам в троллейбусе человек не сорвет зло на своей семье. И сосед, делающий ремонт – прекрасен. Просто потому, что он постарался и заработал на ремонт денег, он сделает свою жизнь лучше...

– А сейчас вы кажете, что маленькая зарплата не даст мне потратить деньги на что-нибудь вредное или ненужное – усмехнулся Илья.

– Нет. Я скажу, что маленькая зарплата всего лишь повод стать лучше. Научиться чему-то новому, стать лучшим в профессии или вообще сменить профессию. Разве нет? Или вам приятнее стенать по любому поводу и лишать себя счастья?

– Да ты...! – вскочил Илья.

– Кстати, злоба отнимает твоё время. Чем больше ты злишься, тем меньше живешь – Хранитель спокойно налил себе еще чаю.

Илья поперхнулся словами, готовыми сорваться с языка, уселся на место:

– Я уверен, что в этой стране невозможно накопить счастье. Где угодно, но только не здесь.

– Почему?

– Потому что здесь нет будущего! Вокруг воровство и обман, люди пьют. Вот откуда у алкоголика или наркомана счастье?

– А вы не думали, что его счастье в том, чтобы перестать пить или употреблять наркотики? Этим он сделает счастливым не только себя, но и близких людей.

– А убийцы, маньяки, садисты, грабители... они тоже могут быть счастливыми?

– Конечно могут, по-настоящему, если откажутся от преступного образа жизни и раскаются, если понесут наказание и исправятся.

Илья несогласно покачал головой, глядя на невозмутимого Хранителя.

– А вот вы сказали, что злоба отнимает время... А боль? Страх? Горе? Разве они не отнимают счастье?

– Отнимают. На короткое время. Но если ты будешь упиваться своим горем, жалеть себя и винить всех вокруг, твой счетчик начнет обратный отсчет. Нужно помнить о том, что горе лишает радости, но не лишает способности радоваться.

Они помолчали недолго, и Хранитель продолжил:

– Я уже не помню, сколько лет живу. Но я искренне радуюсь каждому дню, каждой встрече... да всему вокруг!

– И мне? – Илья недоверчиво хмыкнул.

– И тебе. Ты напомнил мне о том, что все мы склонны искать счастья на стороне, а ведь оно живет внутри нас.

– А сколько лет добавилось вам?

– Я не знаю.

– Но ведь вы можете... в любой момент... – Илья растерянно смотрел на Хранителя.

– Могу – серьезно кивнул тот. – Но не хочу. Совсем. Я просто живу и все. И все свое накопленное время я отдам детям. Своих детей у меня нет, поэтому просто раздам.

– А как вы будете выбирать, кому отдавать?

– Я не буду выбирать – сурово отрезал Хранитель. – Бог подскажет.

– Это как это он подскажет? – Илья даже подпрыгнул.

Хранитель пожал плечами:

– Откуда же мне знать?

– А откуда знаете, что подскажет?

– Верю – просто ответил Хранитель и улыбнулся.

Илья помолчал, а затем произнес просительным тоном:

– Ну если свое смотреть не хотите, мое посмотрите? Сколько у меня там?

Хранитель отрицательно покачал головой:

– Нет, Илья, нельзя мне знать чужое время. Ты уверен, что хочешь узнать?

– Уверен.

– Подумай. Это ведь тяжкий груз.

– Я давно подумал. Мне нужно – твердо сказал Илья.

– Ну если нужно – Хранитель вздохнул – держи. Просто напиши свое полное имя и дату рождения.

Он протянул Илье небольшой планшет, поднялся и пошел в сторону озера. Илья ошарашено смотрел ему вслед...

Митрич с Митькой сидели на своем излюбленном месте, в заросшем камышом уголке, где давно уже обустроили мостки, далеко выдававшиеся в озеро. Митрич, услышав осторожные шаги, повернулся вполборота и шепотом спросил:

– А что гостя одного оставил?

– Пусть его – так же вполголоса ответил Хранитель и уселся на шершавые, посеревшие от времени и дождей доски, опустив ноги в теплую воду.

Митька покосился на него, но ругаться не стал – Хранитель изо всех сил старался не шуметь.

Поплавок на Митькиной удочке вдруг немного наклонился и быстро пошел в сторону камышей. Митька подсек, и на том конце лески загуляла, забила рыба. Леска резала воду, удище надсадно поскрипывало, Митька сопел и упирался изо всех сил, Митрич с улыбкой наблюдал за внуком. Тот вдруг резко поддернул удочку вверх, и золотой карась, вылетев из воды, шлепнулся на мостки, заплескал на досках. Митька бросил удочку и коршуном прыгнул на рыбу, грудью прижав ее к доскам. Повернулся к деду и тихим, звенящим шепотом прокричал:

– Деда! Я его поймал, деда!

Митькины глаза светились от счастья, Митрич улыбался так, будто это он выловил такую большую рыбу.

– А ну покажи, кого ты там изловил?

– Боюсь – Митька не решался подняться.

– Не бойсь, не убежит – Митрич помог внуку подняться. Митька прижимал к груди большего золотистого карася и блаженно улыбался.

– Вот ведь счастье мальцу – Митрич помог высвободить крючок и вопросительно посмотрел на внука:

– Ну что, отпускаем?

Митька вопросительно глянул на Хранителя – ему есть.

– Пусть живет – Хранитель потрепал Митьку по голове. – Авось еще раз попадется, порадует тебя.

Митька просиял, привстал на колени и осторожно отпустил рыбину в воду. Карась стремительно скрылся в глубине, на прощание хлопнув по воде хвостом и обдав Митьку веером брызг. Митька счастливо рассмеялся, и Хранитель мысленно похвалил Митрича – тот всеми силами старался ради внука.

– Ладно, пойду я. Гость уж заждался поди – Хранитель поднялся, кивнул Митричу и неспешно пошел к дому...

...Костер почти погас, но Илья не обращал на это внимания. Он смотрел куда-то перед собой, планшет лежал на краю стола. Хранитель не спеша подбросил веток в огонь, сходил на родник за водой, вынес из дома еще заварки и пристроил котелок над костром.

– Всего четырнадцать минут – потрясенно прошептал Илья. – Всего четырнадцать. Но этого не может быть! – вскинулся он. – Ну не может быть так мало! У меня ведь много счастья было в жизни, понимаете?

Илья с надеждой, почти с мольбой смотрел на Хранителя.

– А может, это ошибка? Ведь бывают же ошибки?

Хранитель отрицательно покачал головой. Илья в ярости завыл, сжав кулаки, со всей силы треснул по лавке:

– А сын? Когда у меня родился сын, я был самым счастливым на свете! А когда женился? А когда здоровенную рыбину поймал? А...

Илья без устали перечислял счастливые моменты своей жизни, иступленно загибая пальцы попеременно на обеих руках. Глаза его лихорадочно горели, губы тряслись, лоб покрывала испарина...

– Все – вдруг сказал он и выдохнул, словно только что пробежал самое меньшее марафон. Опустил голову, мучительно вспоминая еще хоть что-то, но не смог. Поднял взгляд на Хранителя и спросил упавшим голосом:

– Это ведь больше, чем четырнадцать минут, правда?

Хранитель молча покосился на планшет. Илья протянул к планшету дрожащую руку, так, словно это была ядовитая змея. Взял его и осторожно поднес к глазам. Миг, и лицо его озарилось улыбкой:

– Я говорил... я знал, я ведь знал!

Он хотел было сказать что-то еще, но Хранитель покачал головой и протянул к планшету руку. Илья вложил планшет в его ладонь и вскочил, заходил туда-сюда, нервно кусая губы, остановился резко:

– А можно я у вас поживу немного? Я заплачу...

– Живи, сколько хочешь. Платить ничего не нужно, лишнее это.

Хранитель поднялся и ушел в дом – время позднее, отдыхать пора...

Илья прожил у него три дня, и все три дня он мучительно вспоминал самые мелкие счастливые моменты, иногда задавая совершенно дурацкие вопросы.

– А вот я в детстве один раз окно разбил, а никто об этом не узнал. Это за счастье считается?

Но, увидев насмешку в глазах Хранителя, он перестал подходить к нему с вопросами.

На исходе третьего дня Илья подошел к Хранителю:

– А можно мне еще раз посмотреть?

Хранитель молча протянул ему планшет.

– Нет, этого не может быть! Я три дня вспоминал, а добавилось всего несколько минут! Почему?! – он требовательно уставился на Хранителя. – Это вы что-то нахимичили в своем планшете! Зачем?!

Он подступал к Хранителю, сжав кулаки и стиснув зубы.

– Езжай домой, Илья, не трать жизнь понапрасну – Хранитель смотрел на гостя с сочувствием.

Тот кинул взгляд на экран планшета и закричал:

– Почему? Почему опять четырнадцать минут?!!

Он бросил планшет на землю и с размаху наступил на него тяжелым ботинком.

– Я ведь говорил тебе, что злоба забирает твоё время...

Бешено посмотрев на Хранителя, Илья опустился на лавку.

– Что мне теперь делать? – потерянно спросил он.

– Радоваться.

– Радоваться?! Чему?! Тому, что потерял все своё время?

– Ты ничего не потерял, Илья. Но можешь потерять, если не одумаешься. А можешь найти. Научись радоваться жизни, у тебя ещё есть время. Сколько лет твоему сыну?

– Тридцать два – буркнул Илья.

– Давно ты с ним общался?

Илья засопел и ничего не ответил.

– А внуки есть?

– Внучка, Танечка – голос Ильи потеплел. – Ей четыре.

– Ты для нее?...

Илья мучительно покраснел и опустил голову.

– Эх ты...

– А что я? Я разве не хочу ещё пожить? Не имею права?!

– Конечно имеешь... Иди домой, Илья. Тебе пора.

Плюнув Хранителю под ноги и пнув планшет, Илья зашагал по тропе...

...Последний тёплый вечер опустился на лес. Смолкли птицы, затих ветерок, и в полной тишине был слышен тонкий звон припозднившихся комаров. Митрич сидел напротив Хранителя, мрачно глядя в огонь.

– Митьку в больницу увезли, с приступом. Ничего хорошего доктора не обещают, понимаешь?

Хранитель молчал. Да и что тут было сказать?

– Неужели никак нельзя? Ну ведь должно же быть можно? Помоги! – почти простонал Митрич.

– Я не знаю, чем тебе помочь. Не умею – Хранитель склонил голову.

Над поляной повисло тягостное молчание. Митрич вздохнул тяжело и спросил:

– Что толку от всего этого, если нельзя помочь одному мальчишке?

Вдруг глаза его вспыхнули:

– Слушай, а если я, скажем, утону или машина меня сожмет, минуты спишутся?

Хранитель нехорошо посмотрел на него и сказал сухо:

– И думать забудь. Все свои счастливые годы одним махом перечеркнешь! И Митьке не поможешь, и себе навредишь.

Митрич сплюнул досадливо:

– Зачем мне, старому, небо коптить? Зачем, я тебя спрашиваю?! А малыцу еще жить и жить, мир смотреть, детей рожать... а ты – думать забудь. Да не могу я не думать! Не могу! Хранитель прислушался к чему-то, поднялся, осмотрелся вокруг...

– Пора мне, Митрич. Пришло время. Ты присмотри за домом, недолго. Через пару дней придет новый Хранитель. Отдай ему вот это – он протянул Митричу планшет.

– А как я его узнаю? – Митрич был серьезен как никогда.

– Узнаешь – Хранитель улыбнулся. – Митька твой обязательно выздоровеет, я знаю.

– Скажи мне, Хранитель, много ли в мире счастья?

– Много, Митрич. На каждого с запасом, просто не все видят – он помолчал немного. – Ты в планшете набери Митькино имя и дату рождения, посмотри.

Митрич кивнул суетливо и принялся водить пальцем по клавиатуре, высунув от усердия кончик языка. Справился наконец и охнул – на экране высветилась невообразимая цифра, такого просто не могло быть!

– Послушай, а откуда...? – он поднял глаза, и слова застыли на его губах. У костра никого, кроме него, не было. А Митькин счетчик продолжал крутиться, насчитывая ему счастливые дни...

...Яркий зимний полдень искрился снегом и звенел первым морзцем. На поляне у дома на берегу небольшого озера горел костер. У костра сидели двое – дед и внук, Митрич и Митька. Митрич варил чай, а Митька с блаженной улыбкой шурился на солнце. На заснеженной тропинке раздался скрип шагов, и Митрич повернул голову. К дому, сутулясь, шел мужчина лет пятидесяти. Он не смотрел по сторонам и не замечал ничего вокруг. Дойдя до края поляны, он остановился и некоторое время постоял, подслеповато вглядываясь в сидящих у костра. Затем шагнул вперед и спросил сиплым, надтреснутым голосом:

– А где Хранитель?

Узнать в нем Илью было почти невозможно – он сильно постарел.

Митрич глянул на него неодобрительно:

– А здороваться не учен?

Мужчина раздраженно поморщился:

– Здрасьте. Так где Хранитель?

– Зачем тебе?

– Мне нужно посмотреть на свой счетчик.

– Зачем?

– Я хочу знать, сколько времени добавилось к моей жизни.

Митрич пожал плечами и вопросительно посмотрел на Митьку. Тот вынул из-за пазухи планшет и протянул его пришельцу:

– Просто введите...

– Да знаю я, знаю – Илья выхватил планшет, быстро ввел имя и дату рождения...

– Но почему?! Почему? – он рухнул в снег. – Всего четырнадцать минут... всего четырнадцать... Зачем они мне?!!

Митька очень серьезно посмотрел на него и сказал:

– Может быть для того, чтобы позвонить сыну?

– У меня время на исходе, понимаете вы это?!

– Попробуй хотя бы эти четырнадцать минут прожить счастливо.

– Как?! Я не умею...

– Поговори с сыном, с внучкой. Ей ведь уже шесть?

– Откуда ты...? – Илья осекся.

– Тебе выбирать, Илья.

Илья кивнул и потянул из кармана куртки телефон. Счетчик на планшете застыл на отметке 14.

305-й километр

Раннее-раннее утро, почти еще ночь. На кухне горит свет и слышно как бубнит на плите чайник. Кухня у меня за стенкой, так что слышно все хорошо. Тут же, за стенкой, большая печь, и зимой моя кровать – любимое место сна нашего патриарха – кота Кузи. Растянется вдоль теплой стены во весь свой полуметровый рост и лапами меня от себя отталкивает, на дальний край кровати, где посвежее. И спорить с ним бесполезно – почти пуд веса и характер как у невыспавшегося медведя не располагают. Но сейчас по летнему времени кота рядом нет – он на кухне. Его требовательный кошачий бас способен любого разбудить и внушить мысль о немедленной организации питания для своего обладателя.

Я подскочил как ужаленный – скоро электричка!

– Лёха, вставай – зашипел я громко, толкая сладко сопящего брата – за грибами же!

Лёха и не думал просыпаться.

– Ну и спи, без тебя поедem – я метнулся в ванную...

Отец курил в печку, отпивая «купчик» – очень крепкий чай. Почему «купчик», я не знаю, но скулы от него сводило качественно и наверняка. Кузьма с громким мурчанием ткнулся мне в ноги лобастой головой, требуя ласки. Я налил себе чаю и уселся за стол...

– Сын, в холодильнике бутерброды, не забудь взять. Чаю в лесу сварим...

Утренний город молчит. Солнце только-только показалось над крышами домов и висит, путаясь в тополиных ветвях. Где-то на Загаражке брехает чей-то пес, на крышке колодца зевает здоровенный рыжий котик, в колючих зарослях шиповника тенькает синичка. Хорошо... Мы спешим на вокзал, отец курит на ходу, брат зевает – он еще не проснулся. Я же изнываю от нетерпения и почти бегу – мы едем на 305-й километр, загадочный и таинственный! Я там ни разу не был, только слышал от пацанов. Слушал их байки и завидовал этим счастливым. Ведь там, на 305-м, грибы росли просто везде. Грузди, подберезовики, маслята, моховики и даже белые! Белые у нас почти нигде не росли и считались невероятной диковиной. Нашедший белый гриб счастливчик по уровню всеобщего уважения приравнивался к впервые побывавшему на самой настоящей охоте, а это уже совсем всерьез.

Путь на вокзал мы выбрали короткий, через частный сектор, далеко в стороне оставляя стадион. Этой дорогой мы обычно бегали на рыбалку на затопленный карьер у вокзала. По пути обычно набирали червей в куче старой картошки за гаражами и к рассвету уже устраивались на берегу, в камышах. Клевали на этом карьере караси размером с ладонь, иногда чуть побольше, и поход сюда был всегда крайней мерой, если вдруг не получалось поехать на речку.

Перрон, как обычно, пуст – никто никуда не ехал тогда, только дачники да грибники. Солнце уже поднялось, разгоняя остатки тумана, приползшего на вокзал с того самого пруда, но теплее не стало, и я зябко ежился. Наконец вдаль показалась электричка, заставив меня обрадовано схватить ведра и нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Наконец состав остановился, дверь оказалась прямо перед нами. Как батя угадывает всегда? Я вот сколько раз ни пытался угадать место, никогда не получалось. Из вагона на перрон спрыгнул здоровенный рыжий мужик, весь расхристанный, босой, со старым брезентовым рюкзаком на плече.

– Братцы, а я где? – мужик озадаченно озирался.

– Киселевск – батя стоял на перроне, держась за поручень, одна нога уже на ступени, мы с братом уже в тамбуре, прислушиваемся к разговору.

– А до Новосиба далеко отсюда? – мужик поскреб поросшую курчавым волосом грудь.

– На электричке точно не доедешь. На поезд надо, 605-й, но он вечером будет.

Мужик поскреб теперь уже затылок, кивнул сам себе и побрел куда-то вдоль перрона.

Электричка дала короткий гудок и тронулась, батя заскочил в тамбур и дернул в сторону деревянную дверь. В вагоне почти никого – в дальнем углу занято несколько деревянных

скамеек, там сидят заспанные и явно похмельные студенты, один из них спит, зажав ногами гитару. В центре вагона, тесно прижавшись друг к другу, сидят бабулька с дедом, благообразные и какие-то удивительно добродушные даже с виду. У ног их стоят две большие плетеные корзины и алюминиевый бидон.

Мы устроились на жестких скамьях, я уставился в окно, брат, привалившись к стенке, принялся усиленно спать, батя размышлял о чем-то, глядя в окно на другой стороне вагона. За окном проносились тополиные посадки, какие-то полузавалившиеся домишки, потом потянулись карьеры, перемежающиеся пустыми полями. Я глазел в окно и представлял, как там, на 305-м? Наверное, тайга дремучая, елки с пихтами...

Пару раз электричка останавливалась, вагон постепенно наполнялся. Рядом с братом уселся какой-то профессорского вида дед, в очках в тонкой оправе и добротном костюме в мелкую клетку, на голове венчик седых пушистых волос, в руках корзинка, накрытая белой тряпочкой, и свернутая в рулон газета. Он строгим взглядом поверх очков оглядел нас с братом, важно кивнул отцу и погрузился в чтение. Но не прошло и пяти минут, как дед опустил газету и спросил у отца:

– А что вы таки думаете об увеличении объемов добычи углей?

Так и сказал – углей, на что батя хмыкнул.

– Ну что, совсем ничего не думаете? – голос дедка наполнил искреннее изумление пополам с возмущением – А ведь это очень влияет на природу! Попомните мои слова, лет через тридцать здесь не останется ничего живого. Дети наши где будут жить? Где, я вас спрашиваю?!

Брат от гневной патетики соседа проснулся и смотрел на него, открыв рот. А дедок, не желая успокаиваться, потряс перед носом улыбающегося отца газетой и спросил вдруг, подозрительно прищутив глаз:

– Вы, наверное, шахтер?

Поняв, что отмолчаться не удастся, батя кивнул. Дед, словно только этого и дожидаясь, возопил, обличающе уставив на отца палец и заставив весь вагон смотреть в нашу сторону:

– Вооот! Зарылись в землю как кроты, роете и роете, нарушаете экосистему! А она – хруп-ка-я, понимаете, нет?

Потом перевел взгляд на меня и спросил вдруг:

– А вот вы, молодой человек, тоже в шахту ползете?

Ответить я не успел – откуда из-за моей спины раздался насмешливый мужской голос:

– А кушать ты чего будешь, если мы в шахту ходить перестанем?

Дед аж подпрыгнул:

– Я честно заработал свою пенсию, и мне ее вполне хватает!

– Вот и хорошо – ответил мужик за моей спиной – Мы уголек рубаем, страна его продает и пенсию тебе с тех денег платит, так нет?

Дед надулся и молча уставился в окно, но затем, спохватившись, развернул газету. Но не прошло и десяти минут, как он снова опустил газету и спросил меня:

– Вы, наверное, за грибами едете?

Я кивнул.

– Любите лес?

Я снова кивнул.

– Совсем скоро не будет ни леса, ни грибов – одни разрезы – дед вздохнул грустно. – Вот вам какие грибы больше всего нравятся?

– Белые.

– Вот их и не останется. И других тоже.

Отец буркнул под нос:

– Болтун.

В этот момент электричка начала замедлять ход, из сиплого динамика над дверью разнеслось:

– Станция «305-й километр».

Я подскочил, схватил ведра и рванул к выходу, отец с братом пошли следом. Дед вслед выкрикнул:

– Закрыть все ваши шахты!

Но вот, наконец, электричка остановилась, дверь отъехала в сторону, и в тамбур ворвался густой запах нагретого креозота, замешанный на аромате трав и леса. Я ссыпался по ступеням на перрон, жадно глядя в лес, где мне мнились заросли грибов.

– Бать, а мы туда? Или куда?

– Да хоть куда – отец закурил, взял у меня ведро и зашагал в лес. Мы с братом потопали следом. В ведре у брата лежал наш продовольственный запас, у отца за спиной – выплывший брезентовый рюкзак, пропахший кострами и еще чем-то особенным, от чего сразу хочется в лес или на речку.

Углубились в лес, сразу направившись подальше от железной дороги. Вокруг – красота! Черемуха, береза, рябины и осины, боярышника целые заросли и невысокая, будто постриженная травка. Грибов, правда, пока не видать, но это ничего, не дошли просто до грибных мест...

– Бать, а чего этот дед про шахты говорил? – я шагал за отцом.

– Правильно он все говорил, наверное. Но шахты они ведь не просто так, их умные люди строят.

– И что?

– А не знаю, сын. Человек природе только вредить может. Ну или стараться ее беречь.

– А как ее беречь?

– Не брать больше, чем надо. Не мусорить, не оставлять костры в лесу... да мало ли. Любить надо природу и не причинять вреда. И другим не давать вредить.

– И это пересилит вред от шахты?

– Если этого не делать, то вред точно пересилит...

Вышли в небольшой соснячок, залитый солнцем и от этого особенно красивый. Там и тут из рыжей хвои торчат разноцветные сыроежки, но мы их не берем – крошатся. Идем дальше, и вдруг отец приседает – нашел какой-то гриб. Подхожу ближе – целая полянка черных груздей, запашистых, крепких... Прохожу дальше, надо искать... И вижу семейку рыжиков, мохнатых и ароматных. Ура! Первые грибы есть!...

В сосняке больше ничего не нашли, хотя я так надеялся найти белый гриб... Проходим еще метров пятьсот и выходим на обширную поляну, в дальнем конце которой стоит большой деревянный дом с двускатной крышей, сарай какой-то во дворе, никакого забора. Посреди поляны стоит огромная корова, красно-коричневая, с высоченным горбом и большими рогами. Увидев нас, корова мотнула головой и ринулась в атаку. Батя схватил валявшуюся в траве березовую ветку и с криком «Бегите!» шарахнул корову между рогов. Ветка оказалась трухлявой и разлетелась на части. Корова остановилась в недоумении, над поляной повисла тишина, и тут откуда-то от дома донесся удивленный голос:

– Мужик, ты чего делаешь?

Батя сплюнул, подобрал ведро и зашагал дальше. Мужик на крыльце провожал нас недоумевающим взглядом – пришли трое из леса, треснули корову и ушли. Я успел заметить, как корова укоризненно посмотрела на хозяина...

За следующие пару часов мы исходили и сосняки, и березняки – тщетно.

– Сухо – батя выбрал полянку в теньке., поставил полупустое ведро и снял с плеч рюкзак. – Перекусить надо, тогда грибы пойдут. Тащите сушняк.

Мы с братом метнулись в лес – костер будет! Чай с дымком и колбаса жареная!

Через десять минут мы крутили над огнем нанизанные на тонкие прутики куски хлеба и колбасы. Можно, конечно, было и бутербродами пообедать, но так вкуснее! Скоро и вода в котелке забулькала, и батя бросил в нее жменю заварки и пяток смородиновых листьев, сорванных тут же. Какой запах поплыл над полянкой, не передать...

Пообедав, залили костер остатками чая и засобирались дальше. Солнце перевали за полдень, и духота стояла невообразимая.

– Гроза будет – батя пристроил рюкзак на спине.

– Почему?

– Душно, гнус с ума сошел, живьем ест, да и кости болят...

После травмы в шахте батя погоду лучше барометра чувствовать научился. А комары с мошкой и вправду не давали вдохнуть. Мы выломали разлапистых березовых веток и теперь обмахивались ими, стараясь идти следом за непрерывно курившим отцом. Он, заметив это, сказал:

– Не, сыны, так мы грибов не наберем. Расходимся.

Следующие два часа принесли нам только понимание того, что рассказы про грибы на 305-м, мягко говоря, преувеличены.

– Все, сыны, домой пора. Электричка через сорок минут, а следующая аж через три часа.

Я хотел было возмутиться, но глянул в свое полупустое ведро и промолчал. Обратно мы двинулись кружным путем. Вошли в светлый березняк, где тут и там стояли сосны, и вдруг...

– Хррруп – под ногой что-то хрупнуло.

Опустив глаза, я увидел... груздь! Его белый разлом светился в черной земле. Я присел, срезал его и принялся смотреть по сторонам – грузди ведь семьями растут.

– Э нет, сын, так ты ничего не увидишь. Гляди – отец опустил на четвереньки и принялся прошупывать землю вокруг себя. И через минуту уже выкапывал из земли крепкий, с завернутыми краями, груздь. Я тут же взял с него пример, и результат не заставил себя ждать.

Следующий час мы ползали по березняку, позабыв об электричке и временами громко вскрикивая от радости. В ведрах помимо груздей лежали и коровники, и подберезовики. И под конец этого чуда брат нашел стоящий наособицу большой толстоногий белый гриб. Сколько радости было в его лице, когда он присел перед царем грибов и протянул к нему руку. Аккуратно взяв его ножку, он принялся выкручивать гриб из земли... Широкая улыбка сменилась вдруг недоумением, а затем и ужасом – под грибом оказалось гнездо лесных пчел! С низким басовитым гудением они вылетали из гнезда и тут же бросались в атаку. Ах как мы бежали! Бросив ведра, рассыпав грибы, мы летели по лесу, не разбирая дороги. Брат держал в руке тот самый белый гриб...

– Уф! – отец отдувался, упершись руками в колени и утирая мокрый лоб.

– Ага – брат обессилено рухнул в траву, аккуратно потрогал затекший глаз.

Я промолчал. Чего тут говорить, все и так было ясно.

Отдышавшись, отец заговорил:

– Вот что, сыны, без грибов мы приехать можем, но без ведер...

Мы с братом переглянулись – нам очень не нравилось начало разговора, особенно брату, ему крепко досталось. Отец продолжил, посмеиваясь:

– Возьмем березовые ветки и будем изо всех сил отмахиваться. Мы с тобой – взгляд на меня – будем отмахиваться, а Леха хватает ведра и ходу.

Мы снова переглянулись, обреченно вздохнули и направились в сторону злосчастной поляны.

Нас встретил зловещий гул. Мы с отцом принялись изображать вентиляторы, а Леха подхватил свое ведро и... принялся складывать в него рассыпавшиеся грибы.

– Брось! Хватай ведра и бежим! – голос отца не предвещал ничего хорошего, но Леха упорно собирал грибы...

Перрон. Народ собрался разный – дачники, рыбаки с удочками, веселая компания молодых ребят и несколько грибников с полупустыми ведрами. Последние посматривали на нас со смесью зависти и злорадства – брат собрал ВСЕ рассыпанные грибы, и мы с отцом теперь выглядели так же, как он. Наконец пришла электричка, и мы забрались в вагон. Я прижился пострадавшей щекой к прохладному стеклу, изредка подвывая, брат тоже, отец страдал молча....

Мы шли домой, ведра оттягивали руки, опухшие лица и руки нестерпимо зудели, но мы улыбались. Встречные тоже улыбались, но что-то мне подсказывает, что от радости за нас...

Бар «Верста»

История первая

Колеса старого, пожилого «Форда Эскададо» еле слышно гудят, наматывая километр за километром старой, разбитой трассы. По обеим сторонам тянется мрачноватый заснеженный ельник, иногда в прогалах мелькают поляны с заваленными снегом стогами. То ли с осени бросили, то ли для зверья оставили. В этом медвежьем углу зверья хватает.

Из приемника, временами перемежаемый свистом помех, льется голос Синатры. «Strangers in the night». Прямо-таки про меня песня, ночь как раз подбирается на мягких лапах, и фары то и дело выхватывают из снежной круговерти очередной поворот. Никого на трассе. Здесь редко бывает много машин, только весной и осенью, когда народ устремляется из городов на охоту и рыбалку, да грибники целыми ватагами выезжают на свой неслышный промысел. Ну и дальнобои, как без них? Эти круглый год катают по стране, и в наш глухой угол тоже что-то везут.

А сейчас январь, глухозимье, только-только закончились праздники, так что ждать гостей не приходится. Но не закрываться же?

Тусклая вывеска, гордо гласящая Бар «Верста» показалась из-за поворота. Точнее, я ее угадал в пурге по едва видимому мигающему свету. На площадке перед баром, залитой теплым желтоватым светом из большого окна, заменяющего фасад, стоит одинокий грузовичок. Давненько стоит, у колес собрались небольшие сугробы. Значит, скоро поедет. Здесь надолго никто не задерживается.

Скрипнули тормоза, я приткнул машину чуть в стороне – нечего гостевую парковку занимать. Прихватив с соседнего сиденья полупустой термос, я вышел из машины, постоял пару минут, с наслаждением вдыхая пахнувший снегом воздух, и шагнул к двери в бар. Но открыть не успел. Дверь открылась сама, и навстречу мне шагнул крепкий мужик лет тридцати. В руке он нес такой же, как у меня термос. Окинув меня взглядом, мужик остановился недалеко от крыльца, вытер покрытый испариной лоб и потянул из кармана пачку сигарет. «Кент». Я, пока не бросил, такие же курил. С наслаждением закурив, мужик казал негромко, глядя в темноту:

– Пуржит.

Он вроде бы и не обращался ко мне, но кроме нас на парковке никого не было, поэтому я ответил:

– Скоро утихомирится.

Мужик пожал плечами, выпустил дым в небо, задрав голову, щелчком выбил из окурка уголек, окурочек аккуратно упрятал в пачку, повернулся ко мне:

– Ну, бывай тогда.

Развернулся и пошел к своему грузовичку.

Дождавшись, когда грузовичок заведется, я потянул входную дверь на себя и шагнул в теплое, пахнущее едой нутро бара. Навстречу мне полилась немного тоскливая песня Боба Дилана «Девочка из северной страны». Репертуар в «Версте» всегда отличался от привычного для таких мест.

Длинная стойка с парой пивных кранов и солидной выставкой крепкого алкоголя на задней стенке, десяток столиков с обтянутыми винилом диванчиками, маленькая сцена у дальнего торца зала с парой больших колонок и большой плоский телевизор над ней. Вот и вся «обстановка», как говорит Игорь, мой напарник и совладелец «Версты». Увидев меня, он приветливо кивнул и продолжил протирать и так сияющий чистотой бокал. Я поставил термос

на стойку, взял из подсобки широкую снеговую лопату и пошел чистить парковку. Если дожидаться конца метели, то работы будет в два раза больше, и будет она вдвое тяжелее.

Игорек хмыкнул, забрал термос и скрылся на кухне. Он отработал день и теперь собирался домой. Его там ждет Надюха, молодая крутобедрая деваха из нашей деревни. Игорь с ней уже третий месяц как сошелся, так что домой он торопится всерьез. Надо же, и не заметил, как начал называть деревню «нашей». Ну да третий год здесь, пора бы уж...

Ночные смены всегда за мной. Меня, в отличие от Игоря, никто не ждет, не к кому спешить. Семьи за свои сорок лет так и не нажил, не встретил свою женщину. А с чужими семьями не заводят.

Я люблю работать по ночам. Ночью мысли текут неспешно, гости появляются и исчезают почти незаметно. Ночью случаются самые интересные разговоры. Иногда такие же, как с водителем грузовичка. Несколько слов, которые говорят обо всем. О том, как он уже устал, а впереди еще долгая дорога. И о том, что через время его начнет неудержимо клонить в сон, и он прижмет свой грузовичок к обочине или нырнет в какой-нибудь тупик. И поспит, наконец, а утром, морозным и румяным выскочит, умоется снегом, выпьет горячего кофе из термоса и поедет дальше.

Иногда вдруг начинаются пространные беседы обо всем сразу, и тогда ты говоришь с удовольствием, будто бы каждое сказанное слово снимает какую-то шелуху с души. А иной разговор длится и длится, с паузами, без спешки, без темы. Просто разговор. Он начинается словно бы сам собой, как будто продолжается. И ты включаешься в эту игру, радуясь тому, что ничего от этого разговора не зависит, он просто так. Бывают и молчаливые разговоры, когда каждый занят своим делом и вроде бы не обращает внимания ни на что вокруг, но на самом деле про себя ведет диалог.

Так за размышлениями я очистил парковку, оббил лопату от налипшего снега и пошел внутрь, в тепло. На столе уже исходила паром большая кружка с чаем, рядом на блюде ждала своего часа горка печенья. Игорь сидит напротив, баюкая в своих больших ладонях точно такую же кружку. Неспешно умывшись, я уселся на скрипнувший под моим весом диванчик, сделал аккуратный глоток обжигающего ароматного чая, посмаковал немного...

– Как день?

Сделав глоток, Игорь посмотрел на падающий за окном снег:

– Тихо...

Чай допиваем в молчании, наблюдая за медленно лежащими на парковку снежинками. Ветер вдруг утих, и мигающий свет вывески теперь искрится на снегу, окрашивая его то в желтоватый, то в синий. Красиво. Тихо бренчит на гитаре Джонни Кэш, напевая о том, что видит темноту. А мы ее тоже видим, за снегом и светом видим. Это особенная темнота, она ничего не прячет. В ней живут слова и смыслы, уехавшие гости, планы на завтра. Я люблю темноту.

Игорь прихватывает мою кружку и уходит, вскоре доносится мерный шум воды – моет посуду. Как любой нормальный мужик, он моет всю посуду, что накопилась за день, сразу. Так у нас заведено – не оставлять друг другу лишней работы.

Я взял пульт и включил Синатру. Его голос как нельзя лучше подходит для таких вот ночей, когда не ждешь гостей и просто думаешь о чем угодно. О Синатре, например. Великий певец, по-настоящему великий. Человек-музыка. Слушая его песни, я слушаю не песни, а его, старину Фрэнка. Потому что он умел вкладывать смыслы, и это дано не всем. Он прожил хорошую жизнь и ушел, оставив след. Это тоже не всем позволено. И хотя английский я знаю на три с большой натяжкой, но мы с Фрэнком друг друга понимаем.

Шум воды утих, Игорь вышел из кухни, накинул свою любимую кожанку и вышел в ночь. Вскоре за стенкой заурчал мотор его «Крузера», свет фар медленно развернувшегося «проходимца», как именовал его хозяин, прополз по стене, зацепив весело блеснувшие бутылки за стойкой, и Игорь уехал, коротко «гукнув» на прощание сигналом.

Я улыбнулся вслед и отправился в кухню, инспектировать остатки. Если вдруг кто-то придет, надобно накормить. Как я и предполагал, за главное блюдо дня выступала за жарка. Мы здесь особо разносолами не балуем гостей. Мясо, овощи, пюрежка на гарнир или каша. Честная еда. На завтрак каша обязательно, я за эти пару лет научился готовить ее просто шикарно. Это не мое раздутое самомнение говорит, это гости. А я и не спорю, самому нравится. Запас овощей и мяса достаточный, взвод накормлю при нужде. Был у нас случай. Шла по трассе колонна армейской техники. Такая же зима стояла. Куда они гнали «Супер-МАЗы» и «Уралы», мне неведомо. Но аккурат возле «Версты» колонна встала – кто-то сломался. Вояки с присущей им бесцеремонностью и основательностью заняли всю парковку, напрочь лишив всех остальных страждущих шанса поесть. Покопавшись минут тридцать, вояки поняли, что быстро починиться вряд ли получится, и через пару минут три десятка человек плотно расселись по диванам и заказали еды. Давненько я так не крутился. Но ничего, справился, ни одного голодного не осталось. Пока товарищи кушали, экипаж пострадавшего «Урала» все же что-то наколдовал, и, быстро похватав горячего, завел-таки свой агрегат, и колонна скрылась в метели...

Подпевая Фрэнку, на всякий случай помыл овощи, поставил чайник на мирно гудевшую печку. А чем прикажете тут отапливаться? Центрального отопления нет, а электричество нынче кусается. Да и на живом огне еда всегда вкуснее получается, это я с детства знаю. Водопровода, кстати, тоже нет, но мы организовали колонку, и проблем с водой нет.

Мне, конечно, до Фрэнка далеко, да и не тягаюсь я с великими. А вот Ванька, тракторист наш, поет его очень душевно. Мы когда с Игорем «Версту» достраивали, Ванька пришел как-то вечером и с порога бухнул:

– Мужики, сделайте сцену, а? Маленькую.

Переглянувшись с Игорем, мы удивленно воззрились на Ивана. Он, поняв, что мы просто так сцену городить не намерены, вздохнул и сказал:

– Я петь люблю. Очень.

Перспектива слушать какой-нибудь шансон или, еще хуже, попсу, нас не грела, о чем мы и заявили в голос. Улыбнувшись, Ваня, смущенно тиская в замасленных руках шапку, затянул «Moonlight». Да так затянул, что и Фрэнк бы аплодировал, точно знаю. Дослушав до конца, Игорь с очень значительным видом спросил:

– А еще что можешь?

Следующий час мы бессовестно гоняли Ваню в хвост и в гриву, работа на объекте встала. Делавшие отделку армяне тихонечко присели в уголке и слушали, как и мы, открыв рты и щуря глаза от удовольствия. На мой вопросительный взгляд Арам, их старший, развел руками, с улыбкой кивнул на Ивана и прошептал громко:

– Как можно мешать? Никак нельзя.

И не поспоришь.

Допев, теперь уже Иван вопросительно уставился на обалдевших нас. Откуда он знает английский? Где выучил песни Фрэнка?

– А ты ... чего не поступил никуда? На тракторе вкалываешь... а мог бы на сцене!

– Так это... я ж и прошу сцену.

– Будет тебе сцена – я не мог отказать.

– Только я по воскресеньям смогу, в другие дни работа. И летом только по вечерам... не всегда. Сами знаете.

Знаем, как не знать. Летом Ваня пашет без продыху, но мы потерпим.

– Добро. А можешь «Moonlight» еще разок?...

И вот теперь каждое воскресенье Ванька поет. Не важно ему, есть кто в зале, или только мы с Игорем (я ради этого приезжал пораньше), он поет. Только ему я разрешаю курить в зале. Он приходит, садится на стул, закрывает глаза и поет. А мы с Игорем по очереди носим ему виски. Из его личной бутылки, за которой я специально ездил в город. Мог бы попросить кого-

нибудь, привезли бы, но... Это мое дело. Просто потому, что уважаю. Теперь по воскресеньям у нас почти не бывает пусто. Люди приезжают послушать. Жаль, что сегодня не воскресенье.

Снаружи зашумел мотор, и я вышел в зал, вытирая руки полотенцем. Подъехавший на авто гость потушил фары, заглушил мотор и выбрался под снег. Я отлично видел его, ловащего ртом снежинки. Молодой мужчина, лет тридцать или около того, в добротной кожаной куртке, джинсах и легких туфлях. Постоял немного, подняв лицо к небу, и, оскальзываясь, направился ко входу в бар. Зачем в летних туфлях зимой ходить? Дань моде? Ладно, не мое дело. Мое дело – накормить.

Дверь хлопнула, и парень застыл на пороге, огляделся.

– Доброй ночи – глуховато произнес мужчина.

– Доброй. Поужинаете?

– Можно кофе? – как-то потерянно спросил гость и пошел к стоящему в углу у окна диванчику. Повесив куртку на стоящую тут же вешалку, он уставился в окно. Пожав плечами, я ушел на кухню. Кофе мы всегда варим в турке на печи. Когда я завел было разговор о покупке кофе-машины, Игорь только хмыкнул. Он фанат кофе и не признает компромиссов, и сваренный любым другим способом кофе считает суррогатом. Дождавшись пенки, я снял турку с печи, налил кофе в специальную тонкостенную чашечку и вышел в зал. Гость так и сидел, глядя в окно отсутствующим взглядом. Я аккуратно поставил кофе перед ним:

– Ваш кофе. Из турки.

Он взял чашечку, принюхался, отпил небольшой глоток и замер ненадолго, прикрыв глаза.

– Спасибо – он вздохнул и отвернулся.

Я вернулся за стойку и взялся за висящие вверх ножками бокалы. Протираешь его тщательно, смотришь на свет и подвешиваешь на место. Синатра сменился Сэмом Куком, за ним Биби Кинг... Когда запел Том Вэйтс, гость не выдержал:

– Почему блюз?

– Не нравится?

– Нравится, но... Неожиданно здесь услышать.

– Я люблю хорошую музыку.

Он помолчал, допил кофе, отставил в сторону опустевшую чашку:

– Это ведь у вас по воскресеньям поет хороший музыкант?

– Он тракторист. Да, у нас.

– Тракторист?

– А почему бы трактористу не петь?

– Да, верно... Вы не спрашивали у него, почему он поет?

– А почему люди поют? Вообще?

Он потер переносицу.

– Есть еще кофе?

Я сходил на кухню и скоро вернулся с двумя чашечками, уселся напротив:

– Он нам не сказал до сих пор, где научился петь и почему поет американскую музыку.

Просто приходит и поет. А мы и не против.

– У вас есть женщина?

Я вздернул бровь, и мужчина смешался:

– Может быть, вы знаете... Почему они уходят?

Я покачал головой.

– Не знаю. Это только они знают. Да и то не всегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.